

ВОСПОМИНАНИЯ КОМИССАРА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ВЛАДИМИР СТАНКЕВИЧ

1914—1919

Владимир Станкевич

**Воспоминания
комиссара Временного
правительства. 1914—1919**

«Центрполиграф»

1920

УДК 93/94

ББК 63.3(2Рос-Рус)535+63.3(2Рос-Рус)6

Станкевич В. Б.

Воспоминания комиссара Временного правительства. 1914—1919
/ В. Б. Станкевич — «Центрполиграф», 1920

ISBN 978-5-227-10424-3

Владимир Бенедиктович Станкевич — профессиональный юрист, политик, близкий к кругу А.Ф. Керенского, в годы Первой мировой войны оказался в армии с невысоким чином прапорщика. Однако чин не помешал ему в дни Февральской революции занять высокое положение - сначала он был избран в Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов, а с получением Керенским портфеля военного министра во Временном правительстве получил назначение комиссаром Северного фронта, а позже и Ставки Верховного главнокомандующего. Рассказ человека, прикоснувшегося к великим историческим событиям — революциям, войнам и пр. — и лично знавшего тех, чьи имена остались на страницах учебников, по-новому раскрывает картины минувшего. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94

ББК 63.3(2Рос-Рус)535+63.3(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-227-10424-3

© Станкевич В. Б., 1920

© Центрполиграф, 1920

Содержание

От издательства	7
Часть первая	8
Глава 1	8
1. Перед войной	8
2. Первые дни войны	10
3. Общественные настроения	12
Глава 2	16
Глава 3	21
1. На позиционных работах	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Станкевич
Воспоминания комиссара Временного
правительства. 1914—1919

Владимир Бенедиктович Станкевич

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© «Центрполиграф», 2024

От издательства

Владимир Бенедиктович Станкевич, юрист, человек глубоко штатский, в силу обстоятельств в годы Первой мировой войны оказался в армии, а 1917 году был «вознесен» на военный Олимп, став комиссаром Временного правительства сначала на Северном фронте, а потом и в Ставке Верховного главнокомандующего. Это сделало его «своим человеком» среди высшего руководства старой русской армии, доживавшей последние месяцы в революционной России.

В 1914 году Станкевич мечтал о карьере приват-доцента в Московском университете и увлекался политикой, входя в число руководителей организации трудовиков. Лидером и главой думской фракции трудовиков был Александр Федорович Керенский, что во многом и определило дальнейшую политическую карьеру Станкевича.

В начале войны Станкевич долго колебался – то ли отвергать войну, то ли идти воевать? Но «приятие войны», как он сам это определил, продиктовало и дальнейшие шаги. Станкевич пошел в армию, окончил ускоренный курс Павловского военного училища, вышел с чином прапорщика и в составе запасного батальона начал руководить группами солдат при рытье окопов и строительстве укреплений, причем не на фронтовой полосе, а на второй линии, в стороне от мест боевых столкновений.

Окопы у Станкевича получались хорошо. Как человек, склонный к педагогической деятельности, он стал писать методические пособия на эту тему и проводить занятия для солдат в разных воинских частях.

Февраль 1917 года В.Б. Станкевич встретил в Петрограде, где, по собственным словам, «гастролировал» с лекциями по военным училищам и полкам, и сразу оказался в гуще событий... Совет рабочих и солдатских депутатов возник в первые же дни Февральской революции, а Станкевич вошел в состав его Исполнительного комитета. Когда Керенский получил пост военного министра во Временном правительстве, Станкевич занял должность в Военном министерстве. Но уже через две недели отправился на фронт в качестве комиссара Временного правительства, оставаясь, в сущности, прапорщиком, умеющим хорошо рыть окопы... Однако теперь он мог требовать отчета от командующего фронтом и писать представления об отстранении генералов от должности и даже передаче их в революционный трибунал...

В своих воспоминаниях Станкевич рассказал о пережитом и увиденном в годы Первой мировой войны, революции и последовавшей Гражданской войны. А ему было о чем рассказать – личное знакомство с генералами Брусиловым, Корниловым, Красновым, Духониным и многими другими (Станкевич был в числе последних людей, видевших Духонина перед трагической гибелью генерала и присутствовавших на роковом совещании в Ставке, где обсуждалось, должен ли Верховный главнокомандующий покинуть штаб ввиду приближения большевистского эшелона с карательной командой матросов), участие в деятельности командных центров (Станкевич, к примеру, сам опрашивал командиров, допустивших позорное отступление из Риги), присутствие на важных совещаниях Временного правительства и заседаниях Исполкома Петросовета, картины немецкой оккупации российских территорий после Брестского мира и жизни Украины во времена правления гетмана Скоропадского, деятельность различных лиц, оставивших свой след в истории...

Не со всеми выводами автора можно согласиться, но и критический взгляд на его оценки не делает изложенные им факты менее интересными.

Часть первая Война

Глава 1 Приятие войны

1. Перед войной

Осенью 1913 года я прочел пробные лекции в Петербургском университете и ожидал утверждения приват-доцентом уголовного права и командировки за границу. В особенности меня манила заграничная поездка возможностью работы над моей книгой, содержание которой уже вырисовывалось передо мной в существенных чертах: выводы ее я уже напечатал в сборнике статей по уголовному праву и, кроме того, прочел доклад на съезде криминалистов в Петербурге. Работа эта меня увлекала. Я выбрал весьма обширную и «модную» тему об «опасном состоянии преступника» и, разрабатывая ее, приходил в изумление от громадных сдвигов в практике и теории за последнее время. Ведь на съезде русских криминалистов я считал себя вправе вставить парадоксальные тезисы, что задачей современного, создающегося уголовного права является помощь преступнику в борьбе с наказанием, причем подкреплял эти тезисы десятками фактов из области законодательства и цитатами из бесспорных авторитетов уголовного права... Ведь новое законодательство целым рядом институтов, выработанных практикой англосаксонских стран, все время оттесняло наказание на задний план, стараясь воздействовать на преступника другими мерами: лечением, воспитанием, опекой – словом, помощью. Вместе с тем я наглядно ощущал теснейшую связь уголовного права со всеми другими областями общественной жизни и связь между видоизменениями карательной деятельности и всего механизма человеческих взаимоотношений.

Всякое право в конечном счете покоилось до сих пор на наказании, на принудительно-устрашающем начале. И я задавал себе вопрос, что это будет за общество, где к лицу, нарушившему закон, вместо наказания применяют ласку и опеку. Ведь это более похоже на большую и добрую семью, чем на прежнее государство. Именно на семью... И не случайно дети-преступники в англосаксонском праве называются «детьми государства», которое в самом деле, со всей серьезностью материнских забот начинало выполнять свои родительские обязанности. Да и в России в последнее время мы были свидетелями того, как проступки детей являлись для них началом новой, более счастливой эры в жизни, когда они впервые знакомились с серьезной заботой, опекой, воспитательным воздействием и даже лаской, втягивая подчас всю семью в сферу попечительного внимания общества.

Мои выводы, конечно, не были общепризнанными. Но я уже имел возможность высказывать их в докладах, в статьях, как в научных изданиях, так и в газетах и общих журналах. И мне хотелось подвести под них солидный фундамент в виде большой систематической работы, опирающейся на всю доступную литературу и систематизирующей весь соответствующий законодательный материал. Но для этого нужно было поехать за границу.

За мной числились, однако, некоторые политические грехи – три месяца в «Крестах» за устройство митинга по случаю роспуска Первой Государственной думы и секретарство в трудовой фракции¹ Третьей думы. Эти обстоятельства явились солидным препятствием, и дело

¹ Трудовая фракция Государственной думы имела проэсеровскую ориентацию и была создана специально «под» А.Ф.

о моей командировке и приват-доцентуре тянулось очень медленно и по большим ухабам, то проваливаясь, то вновь выползая наверх. Приходилось пока заниматься публицистикой, формально числясь оставленным при университете.

К весне 1914 года я совместно с Сухановым² и Богучарским³ редактировал журнал «Современник». Но как раз начинало чувствоваться значительное расхождение взглядов Суханова и моих. Суханов стоял на строго социалистической точке зрения и даже эволюционировал в то время от народничества к марксизму. Мне же казалось, что новое общество создается совсем иными путями, чем предвидели основоположники социалистической догмы, что каждый день приносит колоссальные завоевания общечеловеческой солидарности, что классовая борьба значительно смягчается, что мелкими изменениями и повседневной будничной работой создается новый строй, без сомнения более волшебный и чудесный, чем строй, о котором говорили Фурье⁴ и Бебель⁵. Мне казалось, что само противопоставление социализма и либерализма в значительной степени потеряло свой смысл. И во всяком случае, в России, где политические условия нуждались в самых примитивных усовершенствованиях, не стоило спорить из-за таких вопросов, которые практически могли встать на очередь еще в очень далеком будущем.

* * *

Военные вопросы занимали нас тогда менее всего. Но весной 1914 года в связи со статьей в одном из немецких официозов прокатилась волна тревоги и тень войны надвинулась на всю Европу. Мы в нашем журнале, согласно нашим убеждениям и взглядам, отписались от всего этого моей статьей, где я вышучивал милитаризм и утверждал, что интересы народов настолько переплелись между собой, что война стала бы физическим самоубийством для всякой нации. Цитируя обращение наших социал-демократов к социал-демократии Австрии и Германии, я высказывал надежду, что новые международные отношения сложатся под знаком братской солидарности народов, а не звериных выкриков шовинистов и милитаристов.

Но, несомненно, это была только отписка. Мы не могли не видеть, что фактическое распоряжение всеми ресурсами европейских государств находилось в руках людей, совершенно иначе глядевших на войну. Как-то раз при перелистывании журналов мне попался на глаза отрывок из воспоминаний германского кронпринца, где, между прочим, он пишет, что во время маневров, когда ему приходилось во главе кавалерийского полка лететь в атаку с обнаженной пашкой, ему невольно думалось, каким счастьем было бы опустить пашку на голову настоящего, реального противника. Но разве русские «принцы» и вообще правящие офицеры были чужды таким чувствам? Более того, разве не были они в нас самих? Ведь военные вопросы в России переставали уже быть вопросами бюрократических канцелярий и при посредстве Государственной думы входили в обиход общественности, которая давно уже втя-

Керенского, который ее возглавил.

² Суханов Николай Николаевич (настоящая фамилия Риммер) – участник революционного движения, экономист, публицист; в 1911–1915 гг. редактировал журнал «Современник». После Февральской революции – член Петросовета. В.И. Ленин называл Суханова «одним из лучших представителей мелкой буржуазии». Хотя Суханов не был большевиком, именно в его квартире в октябре 1917 г. состоялось заседание ЦК РСДРП(б), провозгласившее курс на организацию вооруженного восстания. В советское время Н.Н. Суханов работал в различных учреждениях, подвергался арестам, а в 1940 г. был расстрелян по ложному обвинению. Реабилитирован посмертно.

³ Богучарский Василий Яковлевич (настоящая фамилия Яковлев) – народник, легальный марксист, публицист, историк революционного движения. Сотрудничал с рядом периодических изданий, редактировал журнал «Былое». Подвергался арестам и ссылкам. В 1910 г. был выслан из России. Вернулся на родину в 1913 г., был редактором историко-культурного отдела «Современника». Скончался в 1915 г.

⁴ Фурье Шарль – французский философ, представитель утопического социализма.

⁵ Бебель Август – деятель германского рабочего движения, марксист, один из основателей СДПГ.

нулась в фарватер военных идей. Уже чувствовалось, что правое крыло русской общественности подчеркивало, что оно лучше справится с военной задачей, чем бюрократия. Делалось модным говорить о вооружениях и со всеми техническими подробностями и деталями оценивать стратегические планы.

Помню, весной, в момент военной шумихи, я был на заседании у лидера одной из оппозиционных партий Думы.

Присутствовало много парламентариев во главе с председателем одной из важнейших постоянных комиссий. За ужином и после ужина в непринужденной беседе мы обменивались впечатлениями на злобу дня, и председатель комиссии заявил, что действительно пахнет войной, но для России война не страшна, так как армия уже приведена в порядок, финансы в блестящем положении – всегда имеется большой запас свободной наличности, а на последних маневрах неопровержимо доказано, что французские пушки Крезю во всех отношениях превосходят немецкие пушки Круппа...

Хотя перспектива войны воспринималась крайне абстрактно, как арифметическая задача, как техническая проблема, но все же оптимистические цифры и факты невольно будили какие-то гордые ощущения силы коллектива, невольно рождали мысль: «А что, если бы эту силу опустить на голову зазнавшемуся пруссачеству?» И когда в апреле, в связи с обсуждением в Государственной думе так называемой «великой» военной программы, Керенский пытался возбудить в обществе тревогу, что принятие этой программы ведет за собой войну, то он не встретил поддержки даже в кругах ближайших сторонников. Даже в «Современнике» мы наряду с антимилитаристскими статьями, которые мало кем читались, печатали статьи о новейшей военной технике, которые читались с большим интересом и вызывали одобрение издателя. И остается фактом: я припоминаю сравнительно очень мало статей, где бы, по существу, разбирался конфликт или противоречие интересов между Россией и Германией. Но я прекрасно помню много военных соображений и заключительный аккорд предвоенной газетной тревоги: заявление Сухомлинова⁶, что Россия хочет мира, но она «готова к войне», причем все заявление было направлено именно на готовность воевать.

2. Первые дни войны

В день получения текста австрийского ультиматума Сербии я выехал из Петербурга и сведения о войне получил уже у себя дома, в литовской глуши. В первый момент, исходя из принципиального пацифизма, я говорил о необходимости соблюдать духовный нейтралитет в борьбе, тем более что германская опасность после выступления Англии представлялась крайне незначительной, и можно было ожидать, что через пару дней война закончится. Такому отношению способствовала и среда, которая, хотя и привыкла к русскому господству и была проникнута русской культурой, тем не менее, а может быть, именно поэтому всегда была склонна поиздеваться над неудачами русской государственности. Даже обращение к политикам вызывало больше иронических усмешек, чем серьезных надежд. «Что стоило, – шутили провинциальные политики, – издать это обращение за несколько месяцев перед войной... А теперь – не будет ли это только военной хитростью?»

Но из столицы приходили совсем иные вести. Заседание Думы с торжественным объединением большинства партий, с речами, решительно заглушавшими сдержанные и уравновешенные голоса трудовиков и социал-демократов... Речи представителей национальностей, которые, казалось, были искренне захвачены всеобщим подъемом... Все это создавало бур-

⁶ Владимир Александрович Сухомлинов в 1909–1915 гг. занимал пост военного министра. Накануне Первой мировой войны занимал настолько легкомысленную и шапкозакидательскую позицию по отношению к Германии, что выявившиеся после начала боевых действий недостатки в обеспечении армии были восприняты как преступление с его стороны и даже работа на врага. В 1915 г. он был снят с должности и вскоре попал под следствие по уголовному делу.

ные потоки новых воинственных настроений, разливавшиеся широко по всей стране, которым трудно было противостоять.

Кроме того, война разгоралась совершенно по-иному, чем предполагали. Бельгия пройдена, французская армия на границе разбита, французское правительство переехало в Бордо. Серьезные разговоры о невозможности удерживать Париж, в виду которого уже появлялись германские разъезды. Все это создавало впечатление страшной германской опасности. Это впечатление усиливалось сообщениями о чудовищных изобретениях германской военной техники, о 42-сантиметровых пушках, о непреодолимости военной организации.

Пока речь шла еще о боях на французском фронте, дело казалось более отвлеченным. Но вот, после ряда наших успехов на всех фронтах, пришло сообщение о поражении под Зольдау. Необычный тон военного сообщения, где надежды на успешность новых мер для парализации удара возлагались на Господа Бога, целый ряд тревожных слухов, отступление наших войск из Восточной Пруссии, бои на Немане – все это дало ощутить громадное преимущество германской военной техники и создало неясную тревогу за успешный исход войны и опасения, что она продлится не недели, а, во всяком случае, долгие месяцы.

И вот чуть ли не к концу первого месяца мои настроения резко изменились. Помню две свои статьи, напечатанные в то время, – обе очень патриотические... Одну из них некоторые называли «исторической», а другие «истерической» – никто из представителей левых партий не высказался в пользу приятия войны с такой безоглядностью.

«Немцы, – писал я, – воинственная нация, использовавшая все достижения науки для военных целей, напала на мирные народы, не умеющие воевать. Для того чтобы предотвратить искажение культурного развития, необходимо и мирным народам научиться воевать. Как Петр Великий в минуту опасности после Нарвского поражения перелил в пушки церковные колокола, так и мы должны бросить все наши духовные ценности и способности на алтарь войны, отдавая не только материю и живую силу, но принося наиболее тяжкую жертву – свой дух». И в качестве примера я предлагал приступить к организации в высших учебных заведениях курсов по военным предметам для того, чтобы заинтересовать молодежь войной, военной техникой и вызвать к жизни тех талантливых военачальников, которых у нас не хватало.

В другой статье я, отвечая на свои собственные сомнения в том, что возможные победы будут на пользу русской реакции, писал, что теперь рано спорить из-за чести и славы и что плоды победы будут принадлежать тому, что более всего обусловит ее.

Переход к новым настроениям свершился настолько незаметно, что теперь я помню только два момента: начальный – только отрицание войны, ужас перед нею и стремление остаться самому в стороне, и конечный момент – проповедь участия в войне, и участия не только телесного, но и всеми силами духа.

Но я не замечал тогда противоположности между этими двумя воззрениями. Я по-прежнему крайне остро воспринимал несчастье, причиняемое войной, и приводил сравнение, которое не раз припоминал и впоследствии: нынешняя война, совершенно небывалая по своему размаху, – это мировая катастрофа, аналогии которой мы находим лишь в преданиях древнейших времен, во Всемирном потопе или Вавилонском столпотворении. И согласно последнему сравнению, я комментировал все известия о новейших изобретениях, применяемых на войне. Все чудеса нашей величавой техники из-за смешения языков валяются теперь на наши бедные головы, словно наказывая нас за нашу смелость в дерзком устремлении вверх, к сверхчеловеческому могуществу.

Но мне казалось, что мой военный пыл легко примиряется даже с такими пацифистскими настроениями. Ход рассуждений был таков.

Война ужасна, и ее результаты могут быть ужасны, в особенности если одна сторона победит. И так как мне казалось, что Германия имеет все шансы победы, то необходимо было сражаться с нею, чтобы окончить вничью. Опасность над Парижем, опасность над Варшавой,

поэтому надо было защищать Париж и Варшаву... Но, говорил я, если дойдет очередь до Берлина и если это действительно будет угрозой не только германскому правительству, но и германскому народу – тогда необходимо будет защищать немцев. Нужно, чтобы война окончилась вничью, тогда долго никто не решится более воевать, но если одна сторона победит – тогда военная психология только укрепитя. Надо воевать против Германии, чтобы предотвратить возможность окончания войны победой чьей-либо стороны.

Станным образом даже соображения международной солидарности способствовали созданию военной психологии. Для меня имело большое значение то, что я чувствовал себя действующим в унисон с демократией Англии – над моим столом висели портреты Асквита⁷ и Ллойд Джорджа⁸. Правда, висел и портрет Бебеля. Но Бебель был в оппозиции в своей стране, и то, что его последователи поддерживали войну и голосовали за военные кредиты, служило опять-таки доводом в пользу участия в войне: смотрите, вот как истинные демократы, у которых мы всегда учились политической мудрости, поступают в минуту войны – они, скрепя зубы, поддерживают ненавистное правительство... Мы должны следовать их примеру и так же, скрепя зубы, поддерживать свое правительство.

Таковы были идейные оправдания, сознательный ход мыслей. Но логика действовала на фоне самых разнообразных и неожиданно благоприятствующих настроений. Оказалось, что война отозвалась в душе тысячью разнообразных переживаний, которые мы познали только во время войны.

Они пришли к нам неожиданно, без подготовки, без возможности критического отношения, без подготовленных контрпредставлений, и потому стали почти монопольными в наших смущенных, сбитых с толку душах.

Уже разговоры о боях на Немане, когда назывались знакомые места, будили во мне странный, неожиданный, но властный вопрос: война в пределах твоей родины, почему ты бездействуешь, почему ты не слышишь звука боевой трубы?

Вот тянутся по улицам какие-то военные обозы – невольное стремление идти с ними, отправиться в неведомую даль, переживать невзгоды, непогоду, неудобства и опасности, лишь бы не оставаться дома, когда идет борьба. Ведь это идет Россия, борющаяся за свое существование, та самая Россия, где все свое и с которой связано столько надежд, и чаяний, и веры...

Словом, все, и тайные инстинкты, и идеологические выводы, и эстетические представления, и быт, и детские воспоминания о юношеских играх – все говорило в пользу войны. И что можно было противопоставить этому, кроме сухих, абстрактных, бесцветных рассуждений? Рассказ Фламариона⁹, как он в осажденном немцами Париже работал над изобретением своего светоизмерительного аппарата.

3. Общественные настроения

Мне кажется, что мой ход мысли и отношение к войне не представляли собой чего-либо отличного от хода мыслей большинства русского общества, во всяком случае – левой части его.

Вначале очень многие восприняли войну как катастрофу, несчастье. Помню предсказания В.В. Водовозова¹⁰ о том, что в результате войны по улицам Петербурга и Берлина будут

⁷ Асквит Герберт Генри – премьер-министр Великобритании в 1908–1916 гг.

⁸ Ллойд Джордж Дэвид – английский государственный деятель, лидер Либеральной партии, в 1908–1915 гг. занимал пост министра финансов, в 1916–1922 гг. – премьер-министра.

⁹ Фламарион Камиль – французский астроном и писатель, популяризатор научных знаний.

¹⁰ Водовозов Василий Васильевич – юрист, экономист и публицист, член ЦК Трудовой народно-социалистической партии и Трудовой группы в составе Государственной думы. Автор большей части статей по государственному праву и политическим движениям в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона. В 1918–1923 гг. преподавал в Петроградском университете, в 1923 г. был направлен в научную командировку в Берлин и в Советскую Россию не вернулся. Последние годы жизни провел в Праге, в нужде и болезнях, и в 1933 г. покончил жизнь самоубийством.

ходить медведи... Помню впечатление, произведенное статьей Г.А. Ландау¹¹ о сумерках, сгущающихся над Европой, которая сама себя уничтожает в бессмысленной войне. Помню растерянность «Русского богатства», которое в ужасе перед войной старалось утешить себя только тем, что война расшатывает частную собственность и тем приблизит воцарение нового общественного строя. Даже в таких правых органах, как «Русская мысль», где развивались империалистические взгляды П.Б. Струве¹², и там была растерянность, и автор одной из статей характерно отмечал, что после первого угара манифестаций и патриотического воодушевления хотелось вернуться домой, разобраться в душе, найти примирение для новых фактов, таких необычных для всегдашнего строя мыслей.

Эта растерянность надолго оставила следы. Многие до конца войны так и оставались «у себя дома», разбираясь в своих ощущениях или горюя над свершившейся катастрофой. И почти у всех чувствовалось, что война воспринимается как нечто внешнее, чужеродное: масса русского общества никогда не чувствовала в войне своего собственного дела. Оно говорило: «мы сочувствуем войне», «мы помогаем ей», но оно не сказала: «мы воюем». Зато настроения сочувствия и желание помогать явились немедленно и очень скоро стали всеобщими.

Правда, духовная мобилизация совершалась не стройно. Чуть ли не каждый имел свою собственную теорию восприятия войны или даже несколько теорий – последовательно или одновременно.

Во всяком случае, не помню, чтобы одна какая-либо идеологическая концепция или хотя бы отчетливое чувство объединяло всех. Все воспринимали войну как факт, но каждый старался создать себе духовную атмосферу для нее. Однако в большинстве случаев результат был один и тот же: различие теорий давало повод к оживленным спорам и страстным прениям, но практический вывод был всегда – войну надо приять. Правда, были значительные оттенки практического смысла восприятия.

Для одних, назовем их «правыми», дело сводилось к безусловной помощи правительству – в поступлении добровольцем в армию (добровольцем если не в формальном, то в психологическом смысле слова) или в развертывании военно-вспомогательной деятельности. Для других – и к ним принадлежало большинство моих политических друзей – задача представлялась в виде служения войне критикой правительства, предостережением его от ошибок, грозящих успеху войны или ее принципиальной чистоте: преследованию евреев на театре военных действий, свирепствованию цензуры, политике Бобринского в Галиции¹³ – все это давало оправдание идеологии борьбы внутри [страны] как помощи войне на фронте. Керенский, Кускова,

¹¹ Ландау Григорий Адольфович – публицист, член ЦК партии кадетов. С 1919 г. жил в Германии, в 1933 г. переехал в Латвию. После установления в Латвии советской власти был в 1940 г. арестован, попал в ГУЛАГ и погиб в 1941 г. Эссе Ландау «Сумерки Европы» произвело сильное впечатление на либеральную общественность в начале Первой мировой войны.

¹² Струве Петр Бернгардович – политик, публицист, экономист, историк, философ, редактор газет и журналов. В молодости увлекался марксизмом, был одним из основателей газеты «Искра», позже перешел к идеалам либерального консерватизма и стал политическим противником В.И. Ленина. Профессор, руководитель кафедры политэкономии Санкт-Петербургского политехнического института. В 1907 г. был избран в состав Второй Государственной думы; выпускал вместе с князем Е.Н. Трубецким «Московский еженедельник», стал инициатором издания знаменитого сборника «Вехи», в котором были напечатаны статьи С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и других религиозных философов. В период Первой мировой войны – один из лидеров Всероссийского Земского союза. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, в 1918 г. участвовал в формировании Добровольческой армии на Дону и создании подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр». Был членом Особого совещания при генерале Деникине и правительства генерала Врангеля. В эмиграции – один из лидеров «Комитета освобождения России» и редактор газеты «Возрождение».

¹³ Галицийское (Галицко-Буковинское) генерал-губернаторство – временная административная единица, созданная на занятых Россией в ходе Первой мировой войны землях Австро-Венгрии. Во главе генерал-губернаторства был поставлен генерал-лейтенант граф Г.А. Бобринский. Галицийское генерал-губернаторство существовало с сентября 1914 г. по июль 1915 г. В дальнейшем предполагалось интегрировать восточную часть территорий непосредственно в состав России, а западную – в состав Царства Польского, также бывшего частью Российской империи. Однако начавшееся летом 1915 г. австро-германское наступление вынудило русские войска сдать Галицию противнику.

Лутугин, Потресов, Пешехонов, Богучарский, Мякотин¹⁴ и круги, группировавшиеся вокруг Вольного экономического общества¹⁵, особенно отчетливо формулировали и практически проводили эту линию.

Можно указать еще существенное различие в идеологии в том, что для одних первенствующее значение имели национальные интересы России, для других же – соотношение мировых сил и интернациональные последствия войны. Но все это было – различие в путях служения или использования войны, не поколебавшее общего приятия ее.

Но война не особенно и нуждалась в теоретическом обосновании. Что-то азартное, захватывающе-интересное, как в совершенно новом спортивном развлечении, было в войне.

Даже сидя в своих кабинетах, все делались немного военными, имея свои гипотезы, свои теории, свои стратегические взгляды, оправдания которых ждали от войны. Кроме того, бытовым образом война захватывала даже штатских людей. Один отличился при мобилизации удачной организацией снабжения пищей сборных пунктов. Другой увлекся помощью семьям запасных. Третий обнаружил поразительные таланты при сборе пожертвований на подарки солдатам. Четвертый с восторгом делился впечатлениями о поездке во Львов. А кто слышал пушечный выстрел или свист ружейной пули – тот уж совсем увлечен войной, которая, дескать, будит в нас героические инстинкты. Все это мелочи, но заволакивали смысл войны, ее истинный лик.

Даже женщины были втянуты в войну. Стали служить в лазаретах, сестрами милосердия, стали работать во всяких благотворительно-патриотических учреждениях. И о войне стали говорить с такой же готовностью, как и мужчины. Это имело громадное значение. Никакие призывы и прокламации не действуют так, как одно только колебание со стороны женщины – удерживать ли своего близкого от войны:

– Если уж она колеблется, значит, я должен идти!

Но я помню лишь одну женщину, которая, правда, не говорила против войны, но с полным сознанием своей правоты и своего права говорила, что не понимает войны, не понимает увлечения ею и своих близких людей сама для этого непонятного и чуждого дела не отдаст. Но в большинстве было даже не колебание, а подчеркнутое сочувствие, прямая готовность к самопожертвованию, а подчас и требование! Как ничтожна область сознательной идеологии в этой войне! Но, заразившая массы и питавшаяся скрытым расположением, война превращалась в силу, побеждающую величайшие душевные переживания.

Кроме того, война стала единственным большим делом, дающим возможность работать и зарабатывать. И кто не поддавался ни теории, ни новым чувствам, того загоняла в это дело житейская необходимость, даже если не было воинской повинности. Все мирные отрасли труда или отмирали, или чахли, и лишь те предприятия и учреждения, которые хоть каким-нибудь краешком связаны были с войной, пышно расцветали, поглощая все ищущее труда и заработка. Но, встав в силу необходимости на военное дело, приискивали оправдание своей слабости. И легче всего было, конечно, поддаться общему тону настроений, приемлющих войну.

И смежно, в той же области, стояли еще иные соображения. Помню один разговор относительно материальных дел. Несколько товарищей, жалуясь на теперешнее материальное положение, утешали себя, что после войны все изменится, в особенности если война окончится успешно. Тогда откроются самые широчайшие перспективы для службы на всех поприщах – подумать только, например, о взятии Константинополя. И среди представлений о самой войне, о боях, переходах, преследованиях и пр. немалую роль играло представление о возможности легкой наживы, добычи, чему немало, в конце концов, способствовали как рассказы о поведе-

¹⁴ Представители оппозиции.

¹⁵ Императорское Вольное экономическое общество – одно из старейших научных сообществ России. Было создано в период царствования Екатерины II, в 1765 г.

нии наших войск в Восточной Пруссии, так и непрекращающиеся сведения о поведении войск противника в оккупированных областях России и Франции. Несомненно, война будила самые низкие инстинкты во всех областях. И многие офицеры совершенно спокойно говорили, что не стоит дома покупать бинокль или револьвер, так как гораздо лучше можно легко достать на фронте во время боев, особенно если пообещать толковым солдатам вознаграждение за это.

И что можно было противопоставить этому комплексу мыслей, чувств и интересов? Единственной слышной критикой войны была впоследствии аргументация Суханова. Но вначале и Суханов аргументировал совершенно иначе и был одним из первых, кто очень активно воспринял войну, хотя по совершенно особым соображениям. Он находил, что необходимо, чтобы война окончилась разгромом одной из реакционных стран, революцией в ней. Так как, по его мнению, положение Германии было безнадежно, то необходимо разгромить ее до конца, взять Берлин и пр. Лишь позднее он изменил свое мнение и в ряде статей и книг развивал антивоенную идеологию, доказывая, что Россия не имеет никаких интересов в войне, что она «наймит» союзников, которые, испуганные промышленным развитием Германии, побежденные «рублем», взялись за «дубье»... Но так как сам Суханов не делал выводов относительно сепаратного мира, раз война уже началась, то его выводы, встретившие больше брани, чем деловых возражений, имели, по существу, исторический характер. Подлинный же циммервальдизм¹⁶ и пораженчество ютились в глубоком подполье или в эмигрантских кругах и никакого, даже отдаленного, влияния на настроения иметь не могли.

¹⁶ Циммервальдизм, циммервальдское движение – антивоенное движение, боровшееся за немедленное завершение войны и заключение мира «без аннексий и контрибуций». Получило свое название от швейцарского города Циммервальд, где в 1915 г. прошла первая мирная конференция, созванная представителями социалистических партий. Для политических партий, поддерживающих войну, циммервальдизм стал синонимом пораженчества. В 1914 г., о событиях которого рассказывает автор в этой главе, термин еще не был в ходу.

Глава 2

В юнкерском училище

Как-то на одном собрании, после моей горячей речи о необходимости подчинить все интересы войне, Керенский заметил, что, если я хочу быть последовательным, я сам должен идти на войну.

– Не беспокойтесь, – с раздражением ответил я ему, – вы меня вскоре увидите в военном платье.

И действительно, с 1 декабря я преобразился в юнкера Павловского военного училища, в «павлона», как нас называли тогда. Трудно представить себе больший контраст, чем это превращение представителя вольной профессии в предмет цуканья¹⁷ и неустанной муштровки.

Уже первые впечатления изумили меня. Мы, новички, стояли еще разношерстной толпой в очереди на докторский осмотр, когда все здание (а здание было выстроено на славу прочно, николаевскими временами дышали стены двухаршинной ширины) стало дрожать от мерных ударов наверху. Причем до нас доносились какие-то странные истерические крики, значения которых мы не могли разобрать. В тот же день я узнал, в чем дело: это воспитанники шли ротами в столовую, держа «ногу твердо», то есть выбивая ногами из всех сил, причем старшие в качестве погонщиков шли по сторонам, выкрикивая все время «лева-права» или «ать-два-три-четыре».

К концу моего пребывания в училище начальство вынуждено было само прекратить эти прогулки, так как здание не выдержало и полы стали давать трещины. Но в первое время, дивясь себе и другим, я выбивал ногой, как другие, причем единодушное мнение моего начальства было, что я феномен по неумению ходить и в особенности махать руками.

Вечером новая неожиданность. Мы, юнкера, остались в роте одни, без офицеров – все вчерашние студенты, помощники присяжных поверенных; словом, молодежь. Казалось бы, можно на минуту позабыть о махании руками и поворотах головы... Но не тут-то было! Нам, новичкам, или, как мы назывались по-юнкерски, «козерогам», надо было представляться «старшему учителю», тоже юнкеру старшего выпуска, то есть поступившему в училище двумя месяцами раньше. Процедура состояла в том, что надо было пройти «вольно», то есть махая руками, шагов двадцать, потом, за четыре шага до старшего учителя, поднять руку к фуражке, держа ногу твердо, а за два шага остановиться и произнести стереотипную фразу: «Молодой человек со стороны, фамилия такая-то, представляется по случаю зачисления в Павловское военное училище». Потом – полуоборот направо, не отрывая глаз от учителя, и с первым шагом отвести руку от фуражки, повернуть одновременно голову и отойти в сторону. Мне, как и другим товарищам, с трудом давались эти первые шаги служения войне, и при общем смехе мне пришлось проделать это раз десять, пока прихотливый вкус старшего был удовлетворен.

Каждый день приносил что-нибудь новое и неожиданное. Прежде всего и неприятнее всего поразило отсутствие отпусков. Занятия были только до 5 часов, после же вечер был совсем свободный, проводимый обычно самым нелепым образом, в рассказывании анекдотов и прочем.

Почему бы не иметь права выйти и посетить семью или знакомых? Но не тут-то было. Отпуск полагался всего два раза в неделю, и притом не сразу после поступления в училище, а лишь недели через две после того, как воспитанник достаточно усвоит правила отдания чести.

¹⁷ Цуканье – явление в дореволюционных военных училищах, родственное дедовщине.

Увы, я был совершенно не способен к премудростям шагистики, одинаково плохо отдавал честь, как «с поворотом головы налево», так и «с поворотом ее направо», и приводил учителей в полное отчаяние своим неуклюжим вставанием во фронт.

С большим трудом, после целого ряда экзаменов и переэкзаменовок, удалось получить разрешение покинуть училище на несколько часов, и то лишь после того, как я сообщил, что моя квартира почти рядом с училищем, причем мне даны были настоятельные советы – не ходить по улицам, немедленно идти домой и сидеть там безвыходно. Но и это еще не все... Сама процедура выхода была крайне тягостной и связанной со многими затруднениями, рапортами, докладами, поворотами, топаньем и отданием чести.

Особенно были неприятны и много огорчения доставляли «старшие». Воспитанники, пробывшие в училище два месяца, переводились в разряд старших, пользовавшихся известной дисциплинарной властью. Из них же набиралось младшее начальство, причем, конечно, выбирались наиболее подходящие, то есть грубые формалисты, придиры и крикуны. В этом выборе начальство проявляло замечательную проницательность, и очень редко случалось, чтобы выбор был неудачен. И новое начальство из всех сил старалось оправдать оказанное ему доверие, доводя своей грубостью и придиристичностью до слез робкие и слабые натуры среди подчиненных.

Особенно большой простор для придиристичности давали правила укладки платья перед сном. Платье должно было быть уложено в строго определенном порядке таким образом, чтобы белье, брюки, гимнастерка и пояс вместе составляли правильную фигуру, в 8 дюймов ширины и длины и около 5 дюймов высоты. Несмотря на все старание, поношенное платье не хотело укладываться в законные формы. И ретивым «старшим» доставляло особое удовольствие обходить столики по ночам и будить, иногда по несколько раз, неудачного геометра за торчащий кончик гимнастерки и недостаточно приглаженные носки. Подобная придиристичность с одной стороны порождала мелочность с другой. И помню великое торжество моих товарищей по выпуску, когда однажды мне удалось «посадить в лужу» одного из самых неприятных, глупых и придиристых старших. Дело было за столом во время обеда. Старший о чем-то спросил моего соседа. Тот по простоте душевной ответил:

- Я не знаю, господин старший.
- Надо отвечать «не могу знать», а не «не знаю», – наставительно отметил старший.
- Позвольте доложить, – вмешался я в разговор.
- Ну, докладывайте, в чем дело?
- Нам батальонный командир запрещает на уроках произносить «не могу знать» и всегда напоминает поговорку Суворова, что «немогузнаек» надо быть по мягким частям пониже спины.

Весь стол окаменел от изумления перед моей дерзостью и ожидал, что будет дальше. Дело закончилось тем, что курсовой офицер вызвал меня перед строем роты и сделал сравнительно, впрочем, мягкое внушение за «тон» моего замечания, но такое же внушение было сделано и старшему за неуместный формализм.

Все эти мелочи, забавные издали, но весьма тягостные во время переживания, мешали и искажали занятия, которым я пытался отдаться со всем жаром. Везде приходилось сталкиваться с чрезвычайной формалистикой и очень много времени тратить на зубрежку таких уставов, которые могли пригодиться только в мирное время. Но наши офицеры привыкли отождествлять военную жизнь с исполнением определенного количества уставов и не могли примириться с мыслью, что офицер военного времени может не знать каких-нибудь мелочей распорядка в казармах. Впрочем, и при желании они ничему иному не могли нас научить, так как невежество рядовых офицеров было поразительное. И волей-неволей приходилось зубрить правила о том, когда в казармах могут быть выдаваемы дрова, или что должен сделать подчиненный, если встретит начальника на узком месте, или обязанности барабанщика.

При некоторой способности короткое время удерживать в голове громадное количество сведений я скоро знал уставы лучше офицеров и несколько раз доставил себе удовольствие «посадить в лужу» офицера, особенно одного штабс-капитана, читавшего уставы и славившегося своим формализмом.

Все это было, конечно, страшно мелко. Например, во время экзамена по винтовке, где все, казалось, должно быть направленным на существо дела, штабс-капитан все время придирался к чисто формальным мелочам, требуя не только знания техники, понимания соотношения частей и умения разбирать винтовку, но и того, чтобы все это делалось по уставу. Так, при ответе одного из товарищей он прервал:

– Это не по уставу... Защелку магазинной коробки надо вынимать большим и указательным пальцами правой руки, а не большим и средним... Уж коли изучать уставы, так надо по уставу...

– Господин капитан, позвольте доложить, – вмешиваюсь я с места.

– В чем дело?

– В наставлении сказано, что защелку надо вынимать именно большим и средним пальцами.

Проверили по уставу – оказалось, я прав. Юнкера торжествуют и ликуют. Но через день – месть.

Начало урока. Входит штабс-капитан – он был в этот день дежурным по батальону – грустный, озабоченный и унылый. Садится и произносит меланхолическим голосом:

– Юнкер Станкевич.

– Здесь, господин капитан.

– Видите ли, юнкер Станкевич, когда сегодня все роты шли в столовую, я стоял и внимательно смотрел, как юнкера идут. И знаете, кто шел хуже всех?

– Никак нет, господин капитан.

– Вы шли хуже всех. Садитесь, юнкер Станкевич.

Но мы жили не только в атмосфере мелочей и формалистики, но и в атмосфере вечного страха. Наказание лишением отпуска, внеочередными нарядами и карцером сыпались как из рога изобилия, особенно на новичков. Сыпались неожиданно, непредвиденно, неустранимо; сыпались за пустяки, за случайные промахи и даже совсем без промахов – при мне был случай назначения карцера за недостаточно веселый взгляд.

Мне «всыпали» четыре наряда за то, что, будучи дежурным, не вышел в коридор роты навстречу ротному командиру с рапортом, хотя накануне дежурный получил выговор от батальонного командира именно за то, что рапортовал ему в коридоре – «вне помещения роты».

Как-то, уже под конец пребывания в училище, в разговоре с моим товарищем я жаловался на ту психологию вечного страха перед какими-то бедствиями и напастями, которые подкарауливают на каждом шагу, из-за каждого угла. Мой товарищ, уже отделенный командир, смеялся и говорил, что теперь, сделавшись «старшим», он начал чувствовать себя вполне уверенно и не думает, чтобы мог попасться. По странной иронии судьбы через полчаса во время самого мирного урока топографии мой бедный отделенный улыбнулся невпопад как раз в то время, как преподаватель запутался в объяснениях существа горизонталей. Преподаватель решил, очевидно, что улыбка относится к нему, и засадил отделенного на пару суток в карцер. Но этим его бедствия не кончились: на следующее утро он опять «заскочил». Один из младших юнкеров его отделения ответил что-то невпопад батальонному командиру. Батальонный командир решил, что такое грубое незнание объясняется недостаточным вниманием отделенного, и засадил его уже на восемь суток...

В этой жизни, с утра до вечера полной напряженности, внимания к мелочам и опасений, большие мысли, естественно, исчезали. Даже война была мало заметна в училище. В роте очень удивились, когда я принес собственную карту военных действий и просил разрешения

повесить ее в помещении роты, да и тогда очень немногие следили по карте за моими флажками. Военный порыв, который был, несомненно, во многих, невольно приобретал какой-то пассивный, недеятельный характер.

Сперва я был склонен объяснять все эти особенности юнкерской жизни складом нашего училища, которое издавна славилось суровостью своего режима. Но впоследствии, ознакомившись с другими частями военного механизма, я понял, что это определенная система.

В системе этой нет места доверию к чувству и мысли человека. Порыв, воодушевление, настроение, убеждение – все это ненадежно, непрочно. Война же требует уверенности, что всякий приказ будет всегда выполнен. Механизирование человека, превращение его в автомат, исполняющий приказ безусловно просто потому, что это приказ, – вот задача военного воспитания.

Поэтому – «голову выше, ногу тверже, здесь вам не университет», в атмосфере страха и формализма. И быть может, что для своих задач эта система была правильной и единственно целесообразной. Помню яркие моменты, когда непривычные слова и вещи царапали почти физическим ощущением какого-то беспорядка, неправильности, противоестественности и бездушности. Например, при разборе винтовки нам объясняли устройство штыка и задали вопрос: зачем у штыка имеются выемки, или «долы», и кощунством прозвучало объяснение:

– Для того, чтобы легче стекать крови.

Хотелось в первую минуту с отвращением отбросить в сторону штык, хотелось, по крайней мере, осмыслить эту фразу, найти примирение с ней. Но некогда, офицер объясняет дальше, заставляет повторять, грозит взысканиями за невниманье к вопросу, какой стороной отвертки надо отвинчивать очередной винт... Потом всего пять минут перерыва, во время которого надо переодеться с ног до головы для строевых занятий. Потом усиленная муштра. Потом в строю, выбивая ногой и махая руками, в столовую на обед. Потом подготовка к репетиции. Молитва и еще упражнения в отдаче чести, иначе завтра не пустят в отпуск. Потом сон. А на другой день мы на этот же вопрос, уже все, радостно, что помним объяснение, хором кричим:

– Для того, чтобы легче стекать крови!

А через месяц – уже сами объясняли другим.

* * *

Но были, несомненно, и хорошие стороны в этих первых шагах военной жизни. Постоянные физические упражнения освежили всех нас, слишком много сидящих и неподвижных горожан. Я постоянно раньше страдал простудой, и мне казалось, что здесь я просто погибну от сквозняков, на которые должен был выходить разгоряченным после строевых учений. Но доктор только улыбнулся на мои жалобы, и я, сам не замечая того, привык к новой жизни настолько, что стал даже бравировать, выбегая во время большой перемены на двор в самые лютые морозы в одной гимнастерке и без фуражки и катаясь с гор на салазках, дыша всей грудью морозным воздухом.

К началу весны нас отправили в лагерь для практических занятий на местности. Пробыли там две недели, как раз во время перелома от зимы к весне: когда приехали, все еще было покрыто снегом. В первые дни промокали насквозь от маршировки в дырявых сапогах по тающему снегу. Потом вязли на фунт в размокшей глиняной почве. Под конец – дни были теплые, – бродя по окрестностям, наслаждались весенним солнцем. Все время приходилось решать разнообразные тактические задачи: на сторожевое охранение, на наступление, на укрепление позиций; приходилось делать съемки. Но это заставляло все время внимательно приглядываться к местности, ко всем холмикам, бугоркам и изгибам лощин, отмечая всякий

кустарник, рощу. Это усиливало близость к природе. Такую весну мало кто из нас видел в течение всей жизни...

Учение подвигалось к концу. Появился досуг. И тут военно-технический интерес мог находить беспрепятственное удовлетворение. В целом преподавание в училище скорее душило интерес, чем вызывало его. Но, быть может, это участь всякого среднего преподавания. Но мы имели и исключение – лекции по тактике были полны подлинного интереса и примечательности. Их читал полковник, уже успевший побывать на войне, попасть в плен с тяжелой раной, освободиться (он, будучи парламентаром, по ошибке был обстрелян) и вернуться преподавать в училище. Он любил войну и рассказывал о ней с восторженной страстью. Глаза горели, весь он воодушевлялся, каждое правило пояснял тысячью примеров из жизни, из военных воспоминаний, из опыта маневров, из литературы... Он невольно заражал своей страстностью и других. Он тоже был беспощаден и суров в требованиях и в формализме. Но подлинная страсть к военному делу наполняла этот формализм содержанием.

Он верил в военное дело и старался передать эту веру и нам, посвятив несколько лекций доказательствам, что война свойственна природе человека. И странно – даже самые отъявленные лентяи, жестоко страдавшие от его требовательности, гордились тем, что они проходят тактику под его руководством. Но это было исключение в унылой и серой атмосфере казенных стен.

* * *

Наш выпуск в виде исключения держали в училище не четыре, а целых пять месяцев. Две недели последнего, дополнительного месяца мы провели в лагере, но последние две недели мы ничего не делали. Досугом этих дней я старательно воспользовался для чтения военных книг. Особенно тщательно я ознакомился с историей японской войны и знал чуть ли не наизусть все перипетии таких сложных боев, как под Ляояном и Мукденом. И у меня при чтении складывалось впечатление: войны не было. С русской стороны не было проявлено ничего, что можно было назвать хотя бы защитой. Все этапы войны неопровержимо свидетельствовали, что армия не умела воевать: жалкие попытки маневров неизменно оканчивались неудачей, защита сводилась к отступлению. Войны не было не только духовно, но и технически.

* * *

Выход из училища – целое событие для юнкера. Ведь все мы были «нижние чины». И вся система училища была построена на подчеркивании принципа громадной разницы между офицером и нижним чином. И всем нам, уже пропитанным военным духом, казалось крайне заманчивым, чуть ли не переходом через какую-то пропасть, надеть погоны, хотя бы с одной звездочкой. И некоторые, в особенности из воспитанников кадетских корпусов, забавляли нас всех своими вдохновенными рассуждениями, как это будет «тонно» надеть галифе и фуражку с кокардой и всунуть пятерку первому солдату, отдавшему честь.

Глава 3

На военной работе

1. На позиционных работах

Наконец после долгой и утомительной, а в значительной степени и бесполезной подготовки началась военная работа в настоящем смысле этого слова.

Первые шаги были так же неожиданны, как и в юнкерском училище. Так как из училища дорога была одна – в запасной батальон, то я избрал 1-й запасной на Охте. В назначенный день мы, человек двадцать молодых прапорщиков, собрались в батальонной канцелярии. Нас выстроили по росту. Вошел батальонный командир, старенький, но бойкий генерал. Каждый из нас по очереди рапортовал заученную формулу представления начальству, генерал жал руку и расспрашивал, причем, в сущности, интересовался только одним вопросом:

– Были ли вы портупей-юнкером и которым по счету окончили училище?

Он высказывал большое неудовольствие, когда первые рапортовавшие все оказались даже не из первых десятков. Немного утешился он на мне, когда узнал, что я окончил училище первым, но радость его была омрачена тем, что я не был фельдфебелем и нес скромную должность ротного библиотекаря.

Мне не хотелось на военной службе отдать себя в полное распоряжение начальства, а хотелось по-своему использовать себя. Поэтому в первый же день моего пребывания в запасном пехотном батальоне на Охте я отклонил предложение быть делопроизводителем батальонного суда: как раз это место освобождалось, и за меня, как приват-доцента уголовного права, уцепились обеими руками. Но я категорически отказался, настаивая, чтобы меня оставили в строю, так как мне казалось решительно нелепым получить офицерскую шпагу для того, чтобы сидеть в полковой канцелярии. Офицеры отнеслись к этому как к донкихотству, но мое желание было исполнено.

В обычных ротах подготовка солдат продолжалась всего шесть недель, и за это время, конечно, едва успевали сообщить им самые примитивные сведения и только начать обучение строю. В общем, как я шутил, солдаты разучивались ходить и говорить по-человечески и не обучались делать это по-военному. Так как в этом отношении я сам был весьма слаб и не чувствовал никакого желания совершенствоваться, то вынужден был постоянно озираться на своих унтер-офицеров. Но вскоре мне представился случай перейти в команду разведчиков, где надо было давать гораздо большие сведения, так как туда отбирались и там оставались в течение двух месяцев уже закончившие шестинедельное обучение. Начальник команды с первых же дней отдал ее мне в полное распоряжение, руководя лишь административной и хозяйственной частью, и я беспрепятственно мог проводить все дни с моими солдатами в поле, работая с таким напряжением, что мое рвение передавалось и солдатам, и я с изумлением стал замечать громадные успехи с их стороны. Научились писать полуграмотные, но толковые донесения, составлять планы местности – не хуже, чем это делали юнкера. У многих открылись таланты: один оказался прирожденным начальником маленьких партий, получающих самостоятельные поручения, другой обнаружил талант живописца для зарисовывания перспективных чертежиков, третий прекрасно и точно чертил план. Было приятно чувствовать на себе их доверчивые взгляды, так как мне казалось, они ценили мое неформальное отношение к делу и то, что я делал все, что было в силах, для использования времени наиболее продуктивным образом. И я никогда не забуду того искреннего прощания, которое было у меня с командой, когда мне пришлось уйти. Успехи обучения были крайне приятны, но иногда невольно явля-

лись мысли о том, что было бы стократ приятнее обучать чему-нибудь иному, а не военному делу, но серьезного впечатления эти мысли производить, конечно, не могли.

Оставаться рядовым пехотным офицером мне, однако, не улыбалось, и проснувшийся военно-технический интерес тянул в другую сторону – в сторону инженерных войск. Пришлось прибегнуть к большим хлопотам, но в конце концов мне удалось добиться своего: я был переведен в запасной саперный батальон.

Я был твердо уверен, что в саперном батальоне мне удастся побыть хотя бы один месяц для того, чтобы ознакомиться с основами искусства укрепления. Но уже в первый день при первом разговоре с командиром батальона судьба моя определилась иначе.

Командир батальона очень обрадовался моему приезду и сообщил, что он в великом затруднении – у него требовали офицеров для посылки на фронт, а ему некого было послать, все офицеры были нужны.

– Вы ведь не знакомы с Ригой? – спросил он, вероятно желая представить знакомство с городом как приманку для меня.

– Никак нет, я учился в Риге.

– Ну вот, тем лучше, вы поедете в знакомый город.

И мне было дано 18 часов на сборы. На другой день – это было в конце июня – с двумя ротами якобы обученных саперов и в обществе пяти офицеров я отправился в Ригу.

* * *

В Риге дело пошло еще быстрее, и я сам не успел оглянуться, как очутился с двумя взводами солдат на участке позиций за Ригой, на берегу озера с верстовкой в руках, на которой смелой карандашной чертой через леса, поля, болота была указана позиция, которую мне должно было укреплять. Не успел я осмотреться на участке, как были присланы рабочие и материалы. Пришлось сразу окунуться в заботы о размещении рабочих, об организации работ и надзора. Приходилось самому не только выбирать место укреплений, но и входить во все детали разбивки, так как мои саперы оказались совершенно неподготовленными к этому: даже унтер-офицеры в большинстве были других специальностей – подрывники, водные минеры, телеграфисты и пр. В общем, работа была тяжелая, изнурительная. С раннего утра до позднего вечера на ногах в поле, потом канцелярская работа, писание всяких донесений и отчетов.

Были ошибки и недоразумения, но в целом работа сверх всякого ожидания оказалась очень успешной, и боевые офицеры отзывались, что мои окопы соответствуют опыту войны. Меня же самого работа не удовлетворяла. Я чувствовал всю невозможность придерживаться старых уставных предписаний. Искал новых форм и методов. Но не мог не сознавать, что я все-таки иду ощупью. Быть может, кое-что угадываю, но во многом только фантазирую. Кроме того, ясно было, что наши работы страдают отсутствием общего плана и, быть может, в конечном счете являются вовсе не нужными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.